

«Мыкола, тикай с этого кинематографа!»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-2002>

🎤 24 мая 2016

Собеседник

Дупак Николай Лукьянович

Ведущий

Сейбиль Наталья Владимировна

Дата записи

Беседа записана 24 мая 2016 и опубликована 9 апреля 2019.

Введение

Во второй беседе актер Николай Дупак вспоминает войну, начало которой застало его в Киеве во время съемок фильма Александра Довженко «Тарас Бульба». Николай Лукьянович рассказывает, как подготовка к роли Андрия позволила ему попасть в Новочеркасское кавалерийское училище. Служба в кавалерии продлилась до марта 1943 года, когда актер был тяжело ранен и попал в госпиталь города Актюбинска. В госпитале актер был вовлечен в самодеятельность и организовал концерты для сбора денег на строительство танка. На одном из таких концертов его увидел режиссер Александр Давидсон, помощник Довженко, и вызвал в Москву на съемки фильма «Украина в огне». После запрета фильма к показу Довженко посоветовал Дупаку уйти из кино в театр. С этого совета началась двадцатилетняя работа Николая Лукьяновича в Оперно-драматической студии К. С. Станиславского.

Ростовское театральное училище

Наталья Владимировна Сейбиль: Николай Лукьянович, расскажите, война вас в Киеве застала, на съемках?

Николай Лукьянович Дупак: Война застала... До этого я был в Ростовском театральном училище, был принят Завадским. Вот там есть фотографии — все наши люди, все мои однокурсники. Все стали великими. Там и Бондарчук, и Чекан. Много, много, много ребят тех на фотографии. Значит, с первого курса...

Н. С.: А вы учились в 41-м году — это третий курс уже был?

Н. Д.: Два, два было. На один год... Я был по существу... Первый, это все первый курс.

Н. С.: Нет, я имею в виду, что сниматься вас позвал Довженко...

Н. Д.: Это 41-й год. Март месяц 41-го года.

Вот там есть фотография, где с нашим педагогом Максимом весь курс наш. Богдана Хмельницкого он играл, а мы играли запорізьке¹ казачество и все прочее. И очень убедительная есть фотография...

¹ Запорізьке (укр.) — запорожское.

Н. С.: А у вас была роль Андрия?

Н. Д.: Нет, у меня была роль Андрия на съемках фильма, а я говорю о спектакле Ростовского драматического театра имени Горького, где был художественным руководителем Юрий Александрович Завадский. А как я туда попал, я вам, кажется, рассказывал уже.

Н. С.: Да, это вы рассказывали.

Н. Д.: Вот видите, ездили, смотрели спектакли, помогали артистам по мастерству, по творчеству. Если бы не Юрий Александрович, если бы не главный режиссер этого театра, то я бы не имел счастья сегодня с вами беседовать. Значит, у меня наверняка по-другому бы сложилась жизнь. Я так и остался бы, наверно, в Ростовском театральном училище, а может быть, даже и в Таганрогском театре, потому что в то время (37-й, 38-й, 40-й) я был артистом вспомогательного состава Таганрогского театра.

Н. С.: А в комсомол вступали?

Н. Д.: Обязательно. И комсомольцем был, и в партию вступал. А как же?

Н. С.: А как в комсомол принимали? Расскажите.

Н. Д.: Хорошо принимали. Не только принимали. Мы потрясающе интересно жили.

Н. С.: То есть у вас комсомольская жизнь была яркой и насыщенной?

Н. Д.: Яркая, насыщенная. Мы обязательно занимались в кружках. Хоры. Обязательно выезжала вся школа в пионерские лагеря.

Жизнь семьи после раскулачивания

Перед войной уже я сын кулака, но я не рекламировал это. Это было табу, запрещено. Отца же все-таки не освободили, а он сам...

Н. С.: Сбежал.

Н. Д.: Вместе с друзьями. Решили его из-за того, что у него в Таганроге пять человек семья и самая... Единственная Лиза, которая должна была бросить профессию педагога в Сорочинцах. Она была учительницей русского языка в Сорочинцах.

Н. С.: А маме тоже удалось сбежать?

Н. Д.: Да. Маме как-то попроще. Женщин не очень, так сказать... Но она со своей подружкой, где-то договорились, что... В семье все-таки народу много. Гриша, Сережа, правда, буквально его я помню только в те десять-одиннадцать лет... Он у нас комсомолец, он привозил передвижки, в деревне показывал фильмы...

Н. С.: А что, когда родителям удалось сбежать, он с ними не общался?

Н. Д.: Ну, повода не было. А чего общаться?

Н. С.: Как это? Мама, папа...

Н. Д.: Куда? Поехать туда?

Н. С.: Нет, я имею в виду, когда им удалось сбежать.

Н. Д.: А когда бежать — мы дружная семья.

Н. С.: А, то есть Сережа, когда вернулись родители...

Н. Д.: Да. На фотографии — и Сережа, и Гриша, и Лиза, и все. Дружная команда была.

Семья Николая Лукьяновича Дупака. 1930-е гг. Источник фото: gg.ru

Н. С.: То есть на комсомольской карьере Сережи не отразилось то, что родители сбежали, или это он тоже скрывал?

Н. Д.: Ну, не рекламировали. Он был работником, владел машиной. МТС, машинно-тракторная станция.

Н. С.: А как его судьба сложилась? Он тоже воевал? Сережина судьба как сложилась?

Н. Д.: Он был тяжело ранен в Сталинграде. Он был капитаном. Судьба сложилась его... Женился. Она с Горловки. Поехали туда к нему, сняли квартиру.

Н. С.: Это до войны еще было?

Н. Д.: До войны. Сняли квартиру. Рождается сын Саша. Слава богу, живой еще. Вот он сейчас в Киеве. Я с ним конфликтую. Он тоже становится на линию, что мы неправы.

Начало войны

Н. С.: Я все-таки хотела бы, чтобы вы вспомнили первый день войны. Вы на съемках тогда были?

Н. Д.: Я рассказывал вам.

Н. С.: Нет. Только собирались. А где снимался фильм?

Н. Д.: Он еще на первом подготовительном этапе. Первой должны были снимать массовку большую, шестьсот человек, когда запорожцы и Андрий, первая встреча с панночкой, вот эта его, так сказать, помощь. Вообще-то должны были с этого начать. Буквально после воскресенья, после отдыха, в понедельник мы должны ехать уже на съемочную площадку. За мной должны были приехать. Это в воскресенье было. Мне сказали, чтоб в понедельник к восьми утра я был готов. Заедут за мной на студию, и поедет на съемку.

Н. С.: А где должны были снимать? В каком месте? Под Киевом?

Н. Д.: Под Киевом.

Н. С.: То есть вы в этот момент были в Киеве, когда началась война?

Н. Д.: Шум, гам, чего-то такое. Какая-то тревога.

Н. С.: А бомбить же начали Киев 22-го уже.

Н. Д.: Самолет буквально пролетает вот... Я вышел на балкон. Самолет летает. Чего-то не пойму. Выходит военный, с балкона тоже. Я ему говорю: «А шо це таке?»² А он мне говорит: «Да це мабуть³ маневры Киевского военного округа, приближенные к боевой обстановке». И вдруг так вот... Вот сказал — и буквально нагло, просто рукой подать... Они на бреющем полете шли, потому что, если чуть поднимется, зенитное... Вы понимаете, что они в этом первом хамском налете бомбили переправу через Днепр.

² А шо це таке? (укр.) — А что это такое?

³ Да це мабуть... (укр.) — Да это, пожалуй...

Н. С.: Мосты в смысле. Мосты бомбили.

Н. Д.: Мост, да. Там и железнодорожный, и автомобильный.

Н. С.: А вы в каком районе в Киеве жили?

Н. Д.: Гостиница «Континенталь». Какой район? В центре.

Н. С.: На Крещатике?

Н. Д.: Бессарабка.

Н. С.: Но Бессарабка на Крещатике.

Н. Д.: Ну да. Нет, не на самом Крещатике. Там между театром Ивана Франко и...

Н. С.: И Бессарабкой.

Н. Д.: И Бессарабкой, да.

Н. С.: И самолеты летали уже над центром города?

Н. Д.: Ну, рукой подать до самолета с балкона. Бреющим полетом шли они. Четко разглядел крест на самолете. И нагло — один, значит, и второй. Бух! Но, наверно, не попали.

Н. С.: А вы испугались?

Н. Д.: Как я должен — сотрястись? Как я должен?

Н. С.: Страшно же.

Н. Д.: Непонятно. Что случилось, непонятно. И все стало ясным в двенадцать часов дня, когда выступил Вячеслав Михайлович Молотов и сообщил о том дерзком, наглom и прочем нападении... И все-таки сказал: «Враг будет разбит. Победа будет за нами», — после пяти часов начала войны.

Н. С.: Помните, когда уже бомбить Киев начали, что вы делали, чем занимались?

Н. Д.: Приехал на студию.

Н. С.: Сразу же, да?

Н. Д.: На студию. До выступления Молотова. Александр Петрович собрал коллектив, но он такой беспорядочный... Это же воскресенье было, нерабочий день.

Н. С.: Александр Петрович Довженко.

Н. Д.: Да, Довженко. И сказал, что мы два роки⁴ будем снимать картину, мы постараемся, чтобы за один год мы сняли фильм, что мы будем работать, с понедельника начнем. К великому сожалению, это уже не случилось.

⁴ Два роки (укр.) — два года.

Н. С.: А где вы слушали это заявление Молотова?

Н. Д.: На студии. Ну куда? Что происходит? Куда? На работу, на завод, на студию, в театр все — выяснить ситуацию. Потому что для нас, конечно, это было неожиданностью. Хотя все предчувствовали.

Вот мы там снимали... Васильково какое-то... Станция какая-то западнее Киева. Какие-то съемки. Мы возвращались после съемок, и шли эшелоны с хлебом в Германию. На мой взгляд, была задача не давать повода для войны. Молотова и Риббентропа договор. Ну, сейчас обсуждают, осуждают. А что было делать, ребят? Вот не заключили бы мы договор, как вы представляете, развивались бы события?

Н. С.: Что об этом говорить? История не терпит сослагательного наклонения.

Н. Д.: Я знаю, но вы пофантазируйте.

Н. С.: Ну, уже что случилось, то случилось.

Н. Д.: Да не, это не разговор.

Н. С.: Ну, не знаю.

Н. Д.: Как мы вооружены? Как мы в трудном положении с Финской войной — мы не могли преодолеть линию Маннергейма...

Н. С.: Но Финская война началась после подписания пакта Молотова-Риббентропа. Мы же ее начали.

Н. Д.: А как нам не начинать? Когда они потребовали, чтобы мы и Выборг... Прямо подойти, все отдали, границы перенести, прямо у границы Ленинграда? Как относиться к этому? Когда затруднительное положение у кого-то, у страны, я иногда думаю: «А как бы я поступил в это время?» Можно отдать Ленинград, можно было замирить, но они бы никогда не успокоились. Не успокоились. Война все равно началась. Как бы мы ни хотели с ними дружить. У нас же замечательный пример — Испания. Вы забыли, какие перед этим были военные действия в Европе?

Н. С.: Нет, конечно, я все это помню.

Н. Д.: А читали Хемингуэя?

Н. С.: Конечно.

Н. Д.: Там же все было ясно, дорогие мои, что они не успокоятся. И дошли наконец, что сегодня вот это все развалилось, разобрали все это на куски.

Подготовка к обороне и мобилизация

Н. С.: Николай Лукьянович, вот вы все услышали это заявление Молотова. А потом как? Растерянность же? Непонятно, что делать?

Н. Д.: Все было понятно. Мобилизация. Мне сообщили, что в Таганрог пришла повестка из военкомата.

Н. С.: Но это не в тот же день, не в воскресенье?

Н. Д.: Через неделю.

Н. С.: Через неделю. А вот эту неделю как вы прожили?

Н. Д.: Ну как? Первое — решили готовиться к обороне. Для этого что нужно было сделать? При бомбардировке мирному населению куда деваться? Вот когда в вас летят, бомбят? Рыть щели.

” Щель — это метр двадцать на полтора, а то и два метра. Когда идет бомбежка, ты в эту щель падаешь. Даже если рядом с тобой разорвется бомба, то ты нагнешься и там сохранишь свою жизнь.

Н. С.: То есть вы начали рыть эти щели, прямо начиная с воскресенья? С понедельника?

Н. Д.: Да. То есть готовились.

Н. С.: А кто вас организовал? Кто это все организовывал?

Н. Д.: Матвейчук, директор студии.

Н. С.: Киностудии.

Н. Д.: «Укрфильм». Письмо он мне подписывал, когда я уже начал сниматься, перспектива была, «В степях Украины» Корнейчука. Это Савченко. Они же сговорились, что я буду... Тогда потрясающие ребята были: и Андреев, и Петя Алейников...

Н. С.: Но это уже после войны?

Н. Д.: Как после войны?

Н. С.: До войны еще? То есть это параллельно с...

Н. Д.: До войны я начал сниматься, а Игорь Андреевич Савченко выпускал фильм... Я сейчас не могу, я как-то так... Он, к сожалению... Снималась в этом фильме Тина Гурко. Тина Гурко — это замечательная актриса Оперно-драматической студии имени Станиславского. Вот я потом, через много лет, не через много лет, а в 43-м году... Я же сначала в Валуйки, потом в Москву, потом в Чапаевск, потом в Актюбинск... Раненых-то везли как? Привозят, смотрят. Если без перспективы, на фронт он уже не вернется, давай подалее, чтобы... А кому там через какое-то время — два месяца, три месяца, четыре месяца, — старались в этом месте вылечить, подлечить и все-таки на фронт...

Н. С.: Николай Лукьянович, я все-таки не поняла. После объявления войны в воскресенье 22 июня вы неделю были еще в Киеве, да, дней десять?

Н. Д.: Да.

Н. С.: А списались с родственниками? С папой...

Н. Д.: Телеграмму я получил из Таганрога. Я же в Таганроге [жил]... В Ростове я учился. Пришла телеграмма.

Н. С.: От мамы с папой?

Н. Д.: Ну, я не знаю, папа с мамой или... Не помню. Прислала телеграмму мне, кажется, Лиза. Ну, кто-то из родственников. Ну, я написал. Писал письма, что я снимаюсь в Киеве, если звонить, то на «Континенталь», на студию «Укрфильм». Контакты вот такие были. Что вы сейчас мне всё — стыкуется, не стыкуется?

Н. С.: Нет, мне просто интересно самое начало войны. В общем, вы десять дней были в Киеве, а потом вы поехали в Таганрог, да?

Н. Д.: Да не поехал.

Н. С.: А как?

Н. Д.: Пришла повестка. Я к директору студии. Он говорит: «Может, ехать, а может, у нас вас мобилизуют? Куда, зачем — сейчас не поймешь. Тебя могут еще, что ты бежишь из Киева в тыл...» Мы же ощущали, что и бомбежки, и гибли люди, эта трагическая... Я вспоминаю, бомбу бросили они в одну из центральных площадей, так называемый Еврейский базар.

Это такое месиво было всего. Хотя все время были тревоги, уходите в сад или куда-то в деревни, не стойте на улицах, не стойте вот так где-то...

Н. С.: В общем, вас мобилизовали в Киеве, да?

Н. Д.: Мы были в Киеве, когда мне говорят: «Где ты родился?» Я говорю: «В деревне. Донецк, Старобешево». — «В пехоту». Я говорю: «А можно мне в кавалерию? Я сейчас снимаюсь в фильме. Я, кажется, не то шесть, не то восемь уроков верховой езды уже провел на ипподроме». Есть сцена, когда на коне шикарном с бантом, повязанном панночкой, я выезжаю из крепости... Меня учили езде: и держаться, и спину держать, и седло держать, и управлять поводом. Когда я пришел в военкомат недалеко от студии, говорю: «Вот такая ситуация. Мне прислали...» — «А где родился?» — «Я родился в деревне Карачурино». — «В пехоту. Записывай: Дупак...» Я говорю: «А можно мне в кавалерию? Потому что я сейчас снимаюсь и уже очень близок к коню, лошади...» — «Сейчас, одну минуточку. В Ростове ты?» — «Да, я в театральном училище в Ростове...» — «А, во! Новочеркасск!» В Новочеркасске Высшее командное кавалерийское училище. Там были конюшни, специальное училище. Направили меня туда. Приезжаю туда, докладываю, что я прибыл. Все. Одели, выводку сделали, коней роздали. Мне досталась кобыла Ежевика.

Новочеркасское кавалерийское училище

Н. С.: Какого цвета?

Н. Д.: Гнедая. Была немножко норовистая. Ничего, я с ней отношения наладил, и все нормально было. «Кобыла Ежевика, курсант Дупак!» — докладывали, выводка такая там. У нас Медведев был командир взвода. Молиться на таких командиров нужно. Выправка, старший лейтенант, кадровый офицер, умелый. А Виноградов, командир эскадрона нашего, был мастером верховой езды. И он иногда чего-то нам подсказывает, говорит: «Я если вот этим (*хлопает по голове*) не соображаю, то вот этим (*хлопает по задку*) соображаю!» Потому что лошадью можно легко так вот — в смысле перемещать сюда, туда, и она ощущает тебя. Рысью, галопом.

Были хорошие ребята. Я вспоминаю, как приходит командир нашего эскадрона, и дежурный... Ну, казармы большие, там около двухсот человек, может, и больше. Он: «Встать! Смирно!» А за ним идет полковник, командир училища. Он командир эскадрона, а за ним... И он сказал: «Еще смирнее!» Ну вот так... Кормили хорошо. И потом приказано было нам готовиться к обороне Ростова-на-Дону.

Н. С.: А сколько вы были в этом учебном?..

Н. Д.: Ну, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь.

Н. С.: Пять месяцев.

Н. Д.: Да. А в декабре должны были оборонять Ростов-на-Дону. Мы тренировались ходить в атаку. «Уступами право! Интервал шесть метров! В атаку! Марш, марш!» — «Ура!» И только крикнем «ура» — лошади с таким озорством и с таким... Они ощущали, что надо всего отдать хозяину или сидящему... Другу, не хозяину. Отношение к коню — это друг, конечно.

Н. С.: А ухаживали за лошадьми вы сами?

Н. Д.: Сами, сами. Выводка, расчистка копыт, обмывка — все это делалось. Поцеловать... Принесешь ему сахарочек — это такое удивительное... Да нет, это можно только, как говорится, молиться на это великое животное... Я обязан вообще Орсику. Это уже Брянский фронт. Это уже немножко все другое.

Н. С.: А скажите, вы с этой Ежевикой все-таки воевали?

Н. Д.: Нет. Я же не договорил. Командир эскадрона решил по масти лошади организовать эскадрон. Первый эскадрон — вороны, гнедые, чтоб было... Мне тогда достался Орсик.

Н. С.: Сколько вы на нем воевали?

Н. Д.: Не воевал я.

Н. С.: Вы не воевали на нем?

Н. Д.: Новочеркасск. Я сейчас рассказывал про период учебы в Новочеркасском кавалерийском училище, а потом нас выпустили. Сначала нас бросили на оборону Ростова. Только мы приготовились...

Н. С.: Кавалеристами.

Николай Лукьянович Дупак

Пребывание курсантов в Пятигорске

Н. Д.: Кавалеристы. Только подготовились — приказ... Ну, мы просто должны там атаковать мотоциклистов. Готовились уже по-настоящему идти в атаку, и вдруг срочный приказ: в Пятигорск вернуться своим ходом, выпустить курсантов со званиями. Ну, кто на что потянет в смысле учебы.

Мы в Пятигорске. Уже холода были, ноябрь, снежок. Стояли лошади под Машуком. Гора Машук. Жили мы в казармах, а лошади стояли на улице, мы их покрывали попонами. То есть за ними так ухаживали в тяжелом положении. Чтобы они не замерзли, их растирали, выводку делали. Ходили мы питаться... Вы не были в Пятигорске?

Н. С.: Была я.

Н. Д.: Ну, к Машуку, вот буквально от центральной улицы, где ресторан. Питались в ресторане там. В смысле столовая была наша. Мы трижды в день ходили туда, с песнями ходили. Однажды мы до такой степени устали, что еле-еле... «Запевай!» Мы молчим, усталые, как не знаю... «Запевай!» Мы договорились — молчим. «Бегом!» Бежим. «Ложись!» Ползком. Дождь, грязь. «Соберись в строй! Запевай! Бегом!»

Н. С.: Запели в итоге?

Н. Д.: А что делать? Уже спать надо, а все тут у нас добивается, чтоб мы выполнили приказ.

Н. С.: А какие песни пели?

Н. Д.: *Ты, моряк, красивый сам собою,*

Тебе от роду двадцать лет.

Полюбил...

По морям, по волнам...

Н. С.: А еще какие песни пели?

Н. Д.: Ну, современные. Я помню, когда я поездом ехал из Киева через Харьков в Новочеркасск, в Ростове-на-Дону подъезжаем к вокзалу, вдруг: «*Синенький, скромный платочек падал...*»

То есть вот это...

Н. С.: Шульженко.

Н. Д.: И песня, да. Потрясающе. После того, что мы уже войну ощутили, бомбежку...

Н. С.: Николай Лукьянович, а друзья у вас какие были в этом полку? С кем вы там дружили?

Н. Д.: А там есть фотография. Иванов. Он был из театрального училища. Он уже на втором курсе был, и он в воинской части где-то до училища... Он почти на два года был старше меня.

Н. С.: А звали как?

Н. Д.: Федор.

Н. С.: Вы там были под этим Машуком?

Н. Д.: Нет, в училище с июля по ноябрь.

Н. С.: А в ноябре вас уже под Пятигорск?

Н. Д.: Уже немцы... Уже мы через Москву... Отличников боевой и политической подготовки, десять человек, направили в распоряжение инспектора кавалерии Красной армии Ока Ивановича Городовикова.

Н. С.: Это из Пятигорска вас туда отправили.

Н. Д.: Нет, это после Пятигорска.

Н. С.: Ну, после Пятигорска отправили в Москву.

Н. Д.: Но мы уже ехали не через Сталинград, а ехали окольным путем, потому что немцы подходили к Сталинграду.

Н. С.: А с лошадьми ехали, или лошади остались?

Н. Д.: Нет, в Москву ехали поездом, но не прямым путем, а окольным путем.

Н. С.: Я понимаю. А лошадей оставили в Пятигорске.

Н. Д.: Ну, там следующий набор... Учились дальше у командиров. Потому что там первая беда была в отношении младшего командного состава. Потому что у нас так учили: командир впереди на лихом коне, а мы за ним в атаку. В атаку, а потом пришлось спешиваться, коноводы лошадей отводили в укрытие, а нам вплоть до того... Вот Валуйки... На танки пересесть второму эскадрону. Москвич⁵ был хлопец очень хороший, старший лейтенант.

⁵ Москвич Поликарп Васильевич (1918—1943).

Назначение командиром взвода. Оборона Москвы

Н. С.: Я чуть-чуть запуталась, извините ради бога, Николай Лукьянович. Значит, сначала вы были в Новочеркасске, в училище.

Н. Д.: Из Киева попал в Новочеркасск. Высшее командное училище кавалерии.

Н. С.: Да. Потом оттуда в Пятигорск.

Н. Д.: Правильно.

Н. С.: А из Пятигорска — в Москву.

Н. Д.: Да.

Н. С.: А из Москвы... Когда вы на фронт попали?

Н. Д.: Попали мы в Москве. Вот казармы в Лефортово или какие там? Вот там мы были. Первое — направили нас в Подмосковье к Доватору. Кавалерийский полк Доватора. И только мы приехали к Доватору, команда вернуть нас в Москву. Потому что из Оренбурга прибыла сформированная дивизия... 2-я дивизия 1-й Конной армии... 250-й полк имени⁶... В общем, командира этого. Буденный командовал, Городовиков командовал, и они сформировали в Оренбурге, и их направили на фронт. Они ехали в поездах, а в Москве их высадили и распределили в училище, распределили на стадионе. Вот почему вернули нас? Потому что командиров не было. Когда они ехали из Оренбурга, то не в каждом взводе были командиры-профессионалы, окончившие училище хотя бы. Мне предписание явиться и принять командование. Значит, стадион, школа.

⁶ 250-й кавалерийский полк 11-й кавалерийской дивизии имени Морозова 1-й Конной армии

Н. С.: А какой стадион?

Н. Д.: Динамо.

Н. С.: Динамо?

Н. Д.: Бега, Динамо. Вот здесь все рядом. Вечером прихожу я. Где командир полка? Там, в каком-то классе читает. В школе был штаб и 4-й взвод. Доложил: «Прибыл в ваше распоряжение». Это Коркуц Евгений Леонидович, командир нашего полка. Он дает своему адъютанту распоряжение провести меня в пятый класс, где вместо парт — матрасы. Там целый взвод отдыхал, в смысле ночью спали. Ну, это была ночь. Я себе нашел уголочек, такой устроили мне, чтобы я лег. Когда я заходил в класс, вдруг вижу, в коридоре стоят какие-то непонятные длинные ружья. Я рассчитал для себя так, когда вели учебу, бой штыковой, как отбивать ружье шашкой, вот отбивать это самое. Но утром оказалось, что это впервые я увидел противотанковое ружье. Видели вы противотанковое ружье?

Н. С.: Нет, конечно.

Н. Д.: Это моего роста, даже чуть-чуть повыше. Противотанковое ружье. Взвод противотанковых ружей. Восемь противотанковых ружей. Взвод. И этим взводом ваш покорный слуга стал командовать.

Н. С.: А лошади где в этот момент были?

Н. Д.: На ипподроме, в конюшнях. Кстати говоря, мне кажется, взвода два стояли на ипподроме, где спортивные залы. Это уже зима началась, уже снежок стал падать, уже холодно, и нас направили на Брянский фронт. Брянским фронтом командовал Константин Константинович Рокоссовский. Задача, поставленная ему как командующему фронтом, — не допустить, чтобы враг окружил Москву и завладел Москвой. Вот как раз мы располагались — Тула, Бежин Луг. В этом районе мы обороняли Москву.

Н. С.: А много погибло из вашего взвода?

Н. Д.: Особенно были большие потери у нас под Мерефой. Очень большие.

Н. С.: Мерефа — это где?

Н. Д.: Мерефа — это в районе Харькова, недалеко от Харькова.

Н. С.: То есть из Брянска попали уже на харьковское направление?

Н. Д.: Ну, это уже Воронежский фронт был. Мы из Брянска, когда Воронеж освободили, мы... Когда Валуйки освободили, мы уже попали в распоряжение командующего Воронежским фронтом. Он, к великому сожалению, погиб. Он маршал тоже был. Вот там, к великому сожалению, меня тяжело ранили, и если бы не Ефим Ильич...

Ефим Ильич Аронов. 1943

Ранение. Госпиталь в Актюбинске

Н. С.: Вам пуля попала или осколок какой-то?

Н. Д.: Взрыв. Меня оглушили. Пуля попала сюда и сюда, но основное — потерял я сознание от разорвавшейся мины. Естественно, потерял сознание и лежал без признаков жизни. В период между... Бои шли, это самое... Он ползал и приставлял вот это зеркальце, определить...

Н. С.: Дышит, не дышит.

Н. Д.: Мороз же был. Потом выяснилось, что я все отморозил. Откуда у меня туберкулез вдруг? Мне лечили ногу, а потом, значит... «А что такой горячий он?» — то есть мерили пульс, а я горел так. Я говорю: «Не знаю». — «Ну-ка давай на рентген!» Пошли на рентген. Поставили меня на рентген. «Ой, хлопец! Да у тебя смотри, что с кавернами! Смотри, что с легкими твоими творится!» И вот тут определили, что я... Это после скольких месяцев? Три-четыре месяца меня лечили — и чуть ли не все нормально...

Н. С.: А госпиталь где был?

Н. Д.: Актюбинск. Последний госпиталь был в Актюбинске. И в Актюбинске меня приносят на носилках: «Как фамилия?» — «Дупак». — «А у вас есть брат?» Я говорю: «У меня два брата. Сергей — старший брат, и Григорий — средний брат». — «А вы знаете, что Сергей у нас в госпитале? Его привезли неделю тому назад из Сталинграда. Эшелон целый раненых из Сталинграда». И вот там мы встретились с Сережей. Да нет, вообще-то много неправды. Неправды очень много. То есть этому поверить невозможно.

Командующий госпиталя у нас был Милославский, главный врач Центральной клинической больницы Харькова. Он один из первых прибыл на поезде, и ему приказано было... Сколько же народу в госпитале? Безумно много. Ну, тысячи полторы народу было вообще в госпитале.

Н. С.: Раненых или...

Н. Д.: Раненых. И вот Сергей, мой старший брат, был ранен. Потом он оклемался. А потом выяснилось, что секретарь Актюбинского обкома партии Иночкин — бывший директор МТС, где работал Сережа на Донбассе. Бывает такое?

Н. С.: Фантастические истории.

Н. Д.: После того как он оклемался, его он взял к себе в военный отдел обкома партии. Будучи еще раненым, больным, он там работал, в Актюбинске.

Н. С.: А семья его где была в это время?

Н. Д.: В тылу врага. В Горловке. Был Алик, мой племянник старший. Он сейчас в Киеве. Юрка-то уже родился, когда Сергей приехал в Горловку, приехал, разыскал, и потом он все-таки...

Н. С.: То есть его семья, к счастью, жива осталась, да? И жена, и сын?

Н. Д.: Сын, да.

Н. С.: А жена?

Н. Д.: Катя была при немцах в Горловке.

Н. С.: Но осталась жива?

Н. Д.: Жива, да. Жива осталась, а потом они переехали в Киев. Потом родился Юра.

Н. С.: А мама ваша во время войны...

Н. Д.: Мама — трагические события. Она не захотела никуда ехать и осталась в Старобешево. Там подружка ее, в общем, знакомые. А там в Сталино был лагерь военнопленных во Дворце культуры имени Ленина, где мы когда-то выступали пионерами... Там была колючая проволока.

Н. С.: Тоже это оккупация была.

Н. Д.: Ну, не оккупация, а это...

Н. С.: Ну, под немцами.

Н. Д.: Да, да, да. Далеко. К великому сожалению, Гриша, средний брат, ушел в партизаны. А она осталась с родственниками в Донецке и очень часто ходила... Потом это рассказывали, что она очень часто... Где она совершила свой путь конечный, к великому сожалению. Отец прошел войну, был в партизанах и похоронен в Донецке.

Н. С.: Ваш?

Н. Д.: Мой. Лука Ильич. Изменили мне отчество, чтобы я был непохож на сына кулака. Потому что у меня никаких документов не было, — ни справок, никаких документов, — Лиза поехала, где я родился, в Старобешево. Уже оно было освобождено. Она мне говорит: «Слушай! Давай мы Николаю сделаем отчество не „Лукич“, а „Лукьянович“, чтобы он все-таки на этого кулака не был похож».

Н. С.: А как отец к этому отнесся?

Н. Д.: Ну, потом, когда уже и отец, уже как-то все было в Донецке, учеба, все нормально, я иногда ему говорил: «Слушай, отец, ты не обижайся, что я вот изменил тебе». — «А чего ты? А мне „Лукьянович“ лучше нравится, чем „Лукич“». Он так благословил.

Н. С.: Значит, отец тоже погиб в партизанах?

Н. Д.: Нет, отец уже после войны.

Н. С.: А, Григорий погиб в партизанах.

Н. Д.: И Григорий не погиб. Не погиб Григорий.

Н. С.: А кто вы сказали, что в партизанах...

Н. Д.: В партизанах погиб муж старшей сестры моей Лизы.

Н. С.: Понятно.

Н. Д.: Вот там есть где-то фотография. До войны фотография.

Н. С.: А братья все живы остались.

Н. Д.: Сергей остался живой. И племянник остался старший, значит, Саша, Александр. Он сейчас в Киеве.

Н. С.: Да, вы говорили. Николай Лукьянович, а после того как вы вышли из госпиталя, вас опять на фронт вернули?

Н. Д.: Нет. Я не вышел. Я же повторяю: не вышел я из госпиталя.

Н. С.: Вот туберкулез...

Самодетельность в госпитале

Н. Д.: Милославский в Актюбинске, наш доктор Милославский провоцировал нас, чтобы мы занимались самодеятельностью, заставлял людей нервных вышивать платочки, чтоб успокоить людей, у которых стрессовое состояние. Когда и стреляют в тебя, и ранят тебя, все-таки это (*усмехается*) неприятное ощущение. А потом вдруг возникла идея, чтобы мы занимались обязательно делом и самодеятельность организовали. Спровоцировал меня организовать самодеятельность, потому что я все-таки считался артистом и читал стихи, всякие сценки ставил. Уже я стал на костылях, но уже немножко ходить, озорничать и читать стихи...

Николай Дулак (в центре на костылях) в госпитале. Актюбинск, 1943. Источник фото: rg.ru

Боря Малков, мой друг... Потом в Москве я случайно его встретил, когда меня выселили из гостиницы «Москва». Когда Александра Петровича Довженко сняли со всех постов и запретили снимать фильм «Украина в огне», я встретился с Борисом, который в Актюбинске очень много делал снимков. Фотографировали, а потом решили, что давайте мы соберем деньги на танк «Актюбинск-3601». Организовали мы концерты, фонд помощи фронту. Очень помог нам, конечно, Иночкин, секретарь обкома. Он потом в Одинцово был секретарем райкома, но это уже после войны. Мы тут даже с ним встречались.

Н. С.: А ранили вас в 43-м или в 42-м?

Н. Д.: В 43-м. 10 марта 43-го года. 19 января 43-го года мы Валуйки освободили и получили благодарность от Сталина, потому что по равновесию взятие Валук — это был второй Сталинград, как некоторые отмечают. Если бы мы не взяли Валуйки, то не знаю, как бы случилась дальнейшая наша судьба, связанная с тем, что три дивизии — «Викинг», «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова» — были сняты с отдыха в Средиземноморье. Потому что это те дивизии, которые в первые дни и месяцы войны очень отличились и завоевали большую часть Советского Союза. Их отправили на лечение для того, чтобы после того как они...

Н. С.: Наберутся сил.

Н. Д.: Будут перевооружены и подготовлены... И это вот тот последний рывок был, чтобы с нами покончить. Такие были военные планы вермахта. Как говорится, слава богу, этого не случилось.

Н. С.: После ранения вы же на фронт больше не вернулись.

Н. Д.: Я после госпиталя... Летел Саша Давидсон, второй режиссер Александра Петровича Довженко, который меня фотографировал и предложил Довженко на роль Андрия на фильм «Тарас Бульба». Они были в Саратовском театральном училище...

Н. С.: Это вы рассказывали. Я просто хочу хронологию восстановить. Значит, после госпиталя вы попали опять к Довженко?

Н. Д.: Да. Гостиница «Москва», фильм...

Н. С.: То есть вас демобилизовали после госпиталя.

Н. Д.: Демобилизовали. Инвалид войны второй группы без каких-либо перспектив. Уже на фронт вернуться я не смогу. Раненая нога, легкие, туберкулез и прочие всякие...

Н. С.: И вы приехали в Москву.

Н. Д.: Прилетел я в Москву по просьбе...

Когда Саша Давидсон прилетел в Актюбинск... Что бы перекусить? Где магазины-то? А там в семь часов вечера все магазины и рестораны закрывались, потому что основной в городе госпиталь был, очень большой, там около трех тысяч народу лечилось и отдыхало. А где там?... В аэропорту говорят: «Единственное — вот там в клубе, там идет концерт, где покупают билеты...» Ну, билет не то пять рублей... В общем, пятьдесят процентов стоимости бутерброда и кружки пива. Значит, полон продуктами. Люди выпивали и шли смотреть концерт. Бутерброд и кружка пива, или кто пиво...

Н. С.: Не пьет?

Н. Д.: Плитка шоколада. Давали плитку шоколада. И собрали довольно приличную сумму, и на это... Я уже полетел в Москву, а после меня собрали деньги на танк Т-34.

Н. С.: Николай Лукьянович, то есть вы опять же совершенно случайно с ним встретились? Он пришел туда на концерт и вас увидел?

Н. Д.: Не пришел он на концерт. В Актюбинске — он летел изАлма-Аты в Москву.

Н. С.: Я понимаю, но чтобы перекусить, ему надо было...

Н. Д.: Чтобы перекусить — да. Перекусили, выпили. Потом... Я чего-то там... Смеются, аплодируют. Он же все-таки режиссер. Он к искусству какое-то отношение... В Актюбинске вдруг такое необычное угощение, необычный вариант строительства танка через выкуп, за бутерброд и за плитку шоколада собрали деньги. И он посмотрел, говорит: «Елки-палки!..» Я на костылях. Выпендривались, что-то читали, какие-то миниатюры играли. Вот с партнершей какие-то читал я стихи...

У меня из железа сердце,

Не берет его ничего,

Как там недруги ни усердствуют,

Продолжается жизнь его.

И хорошее тоже было,

И не требовалось прикрас.

А любило — уж так любило!

И умеет любить сейчас.

Слезы лить — это очень просто,

Воздержаться куда трудней!

Дай дожить мне хотя бы до ста,

Озабоченность наших дней!

Зеленейте, дубы и клены!

Ждите девушек на мосту.

Я хочу умереть влюбленным

В человечества доброту!

Слезы лить — это очень просто,

Воздержаться куда трудней!

Дай дожить мне хотя бы до ста,

Озабоченность наших дней!

Унесут на кладбище — баста:

Там не радуйся, не греши...

Не умеющие улыбаться,

Я жалею вас от души.

Вот такой вот стишок.

Н. С.: Замечательно. Николай Лукьянович...

Притеснение Александра Довженко после фильма «Украина в огне»

Н. Д.: Он услышал этот стишок: «Так же ж наш на костылях!»⁷ Вот так. Приехал, он говорит: «Александр Петрович, да це наш хлопець, Мыкола!»⁸

⁷ Так це ж наш... (укр.) — Так это же наш...

⁸ Да це наш хлопець... (укр.) — Да это наш парень...

Вот Василь Кравчина, молодой танкист раненый. Он к дороге с трудом добрался, останавливает машины, а машины пролетают мимо него, обдавая пылью. Рай-птица, райплан... Вот такое. И в конце он вслед им говорит: «И они бежали на государственных резиновых колесах». Вот это не понравилось очень Сталину и особенно украинским писателям. Они, значит, (*стучит*) настучали на Александра Петровича, и его освободили от всех должностей, которые он занимал. А меня выселили из гостиницы «Москва».

Господь Бог милостив, я встретил Бориса Малкова. Того Малкова, который снимал меня в Актюбинске на этих концертах. Он жил на Маросейке, и мы как-то сдружились до этого, когда я снимался, когда нам выдавали водку, инвалидам... Эту водку торговали, покупали другие вещи. В общем, после того как меня выселили из гостиницы, я жил у него. Значит, два с половиной метра в ширину и восемь метров или больше... Комната — пенал такой. И вот от стенки другого дома буквально пять метров было. И мы с ним там так здорово жили, и так было интересно! Вы не представляете!

Случилось так, что моя партнерша по фильму, Лизочка Мирскова, которая [по сценарию] меня к себе забирает... Увидела у дороги лежащего раненого. Она с трудом его тащит к себе в хату, и такое там происходит, что она очень просит его, чтобы он... Что придут немцы, ее, так сказать, где-то изнасилуют... В общем, вот такая любовная происходит между ними акция. И вот замечательная такая сцена. И случилось так, что когда Александра Петровича сняли со всех...

Н. С.: А фильм-то вышел на экраны?

Н. Д.: Нет.

Н. С.: Фильм не вышел.

Н. Д.: Нет. Запретили.

Н. С.: А как фильм назывался?

Н. Д.: «Украина в огне».

Н. С.: А он так потом никогда и не вышел?

Н. Д.: Нет. Там что-то пыталась Юлия Ипполитовна Солнцева, жена, что-то в «Освобождении Днепра» или чего-то, но это совсем другое. Там такая довшенковская реальность, такая поэзия и такие человеческие страсти, что уму непостижимо!

Студия Станиславского. Разговор с Довженко

Ну и Лизочка Мирскова говорит: «Коля, у нас в студии Станиславского в Эрмитаже идет спектакль „День чудесных обманов“, который еще Константин Сергеевич Станиславский поставил. Режиссер наш Кристи. Я там играю служанку. Хочу, чтоб ты пришел, посмотрел». Пришел я в этот самый Эрмитаж. Парк наш, сцена летняя. Октябрь месяц. Холодно.

Н. С.: Это 44-й уже год.

Н. Д.: Это 44-й, да. Холодно. Народу — почти полон зал. Очень смешной спектакль! Очень веселый спектакль! Озорной. Там так играл Боря Левинсон, потрясающе! Рубцова потрясающе, Животова Надя... Потом я тоже вошел в этот спектакль и играл вместе с Петей Глебовым дона Хуана. «Алонсо, друг!» Потрясающе.

Сцена из спектакля «День чудесных обманов». Середина 1940-х годов. Источник фото: Архив Электротeatра Станиславский

И я решил кончать с кино. А я числился актером киностудии «Мосфильм». У меня удостоверение, зарплата очень хорошая. Мне Александр Петрович добился, чтобы артист не был голодным.

Н. С.: А вы с Александром Петровичем лично общались много?

Н. Д.: Ну, общался по работе. А потом, когда эта трагедия случилась, его сняли со всех постов, я решил к нему подъехать, потому что по существу я не знал, куда мне идти. В кино оставаться без перспективы какой-то или в театр идти? Я решил к нему сходить в гости. «Здравствуй, Мыкола, здравствуй! Сашко, до тебе Мыкола Дупак!» — «Хай заходит!» Зашел я: «Александр Петрович, здоровья вам...» Ну и он... Я говорю: «Александр Петрович, что мне делать? Посоветуйте». Я же еще на костылях, я еще не очень такой... И он мне вдруг говорит: «Мыкола, тикай с этого кинематографа!» — «Куда, Александр Петрович?» — «В театр. Ну, я бы тут позвонил кому-то из наших, но ты, хлопец, я вижу... Ты же фронт прошел. У меня к тебе предложение: пробивай себе дорогу сам, потому что я в тебя верю».

Пробы в Художественный театр и Студию Станиславского

Ну, я куда? Ну, в Художественный театр. Прихожу. Значит, там Орлов был тогда директором. Училище уже было организовано. Спрашивает: «Что вы, так сказать...» Я представился, что я у Завадского в Ростове играл, что снимался у Александра Петровича Довженко. Немножко такой вот я — не с улицы, а уже вроде бы артист. «А что вы в училище делали? Дипломной нет?» Я говорю: «Не диплом. Это на втором курсе только. Вот „У врат царства“, Ивар Карено». — «О! Замечательно! Я попрошу Еланскую. Она с Качаловым играла этот спектакль. Вот вы...» Народная артистка Еланская... Мы встретились. А там сцена такая — объяснение в любви, я ей целую ручки. Ну, мне всего там было сколько? Двадцать с лишним лет.

Н. С.: Двадцать три.

Н. Д.: Двадцать три. А ей сорок три всего-навсего. Я как-то так чего-то... Хорошо, поблагодарили... Ждала Лиза Мирскова. В студии мы уже как-то дружили. Ее муж, кстати говоря, попал в плен, был с бригадой, к сожалению... Его потом преследовали, чуть ли не судили. Был вот такой период. «Ну как?» — она говорит. «Ты знаешь, Лизочка, у меня такое впечатление, что это как будто моя мама, а не моя любовь». Она говорит: «Давай к нам! Зачем тебе эта студия? Вот я переговорю с Рафаилом <нрзб>, с Кедровым переговорю. Михаил Николаевич Кедров. Это мхатовские. У нас в основном ученики, которые были приняты Станиславским. Это и Левинсон, и Рубцова, Глебов...» Назвала она несколько таких фамилий. Я говорю: «Давай».

В общем, назначили мне встречу. Я решил, как мне ни трудно, костыли бросить и прийти с палочкой. На костылях — это совсем, а с палочкой — это вроде бы... Они в подвале были. Петроверигский переулок. Там дома Малого театра, и в подвале была эта студия, очень некомфортная: маленькие кабинеты, маленький зрительный зал. Есть фотография, кстати

говоря: Станиславский, Кедров... Вот это здание. Там Равенских... Те ученики, которые были приняты самим Константином Сергеевичем.

Я прихожу — и на меня набрасывается помощница директора, помощница Кедрова: «Что случилось?» Я говорю: «А что случилось?» — «Полчаса уже все сидят, ждут вас». — «Как сидят? Так что, в двенадцать часов? Я наоборот на час раньше пришел». И она меня подводит, такая злая, подводит к расписанию, и вот написано... «Что здесь написано?» — «Но мне показалось, это не двенадцать, а четырнадцать...» Расписание было не очень, это самое... «Ну ладно, иди. Уже хотели расхотиться». Я выхожу, значит. Кедров: «Это что же вы, молодой человек, заставляете нас тут столько времени вас ждать?» А я уже знал, что его зовут Михаил Николаевич. «Михаил Николаевич, вы меня извините, а можно я потом вам объясню?» — «Ну, ладно, ладно, ладно. Что же вы нам?..» Я говорю: «Я в Ростовском театральном училище...» — «У Юры?» — «Да, у Юрия Александровича Завадского. Вот на втором курсе, а потом началась война... А потом Александр Петрович Довженко...» — «И что же вы нам прочтете?» Я говорю: «Можно?.. Я в госпитале читал „Отступник“ Александра Петровича Довженко? Только он очень длинный. Я не обижусь, если вы меня прервете». Прочел я этот рассказ, а он идентичен «Тарасу Бульбе», но только это уже современное, там партизаны... Хороший рассказ вообще-то.

Н. С.: А Довженко еще рассказы писал?

Н. Д.: Не только. И сценарии писал.

Н. С.: То, что сценарии, я знала, а то, что...

Н. Д.: Ну, это же тоже... Будем считать, что тоже вроде как сценарии. Но я говорю: «Я не обижусь, если вы меня остановите». Я начал этот рассказ, они слушают, мне уже надоело самому читать. Наверно, сыграло то, что я инвалид, пришел все-таки со знаками, старший лейтенант кавалерии, орден Боевого Красного Знамени. Наверно, это в свое время тоже сыграло какую-то роль. Потом я в этом фильме играл у Равенских, «На белом свете». В этом фильме тоже герой... Там только Герой Советского Союза. Они послушали. «Ну, спасибо, спасибо, спасибо, спасибо, спасибо».

Н. С.: А Равенских — это Борис... Отчество забыла.

Н. Д.: Борис Иванович.

Ну вот «подождите, подождите». Первый выскочил Борис Равенских...

Спектакли

Н. С.: У Равенских, да, первый спектакль в Москве?

Н. Д.: Первый был у Кристи там. Кристи как бы режиссер и педагог. Григорий Кристи. Помощник Станиславского, Кедрова. Кстати, двоюродный брат Пети Глебова. Первым они все-таки решили «Ромео и Джульетта», я Париса [играл]. Знаете такую?

Н. С.: Конечно.

Н. Д.: Вот, а потом на выпуске был спектакль «Три сестры». И первое с Петей Глебовым, Мишей Зайцевым... Я играл Федотика, а он — Родэ в «Трех сестрах». И был период, когда мы на юбилее... Есть фотография, где Книппер-Чехова у нас на спектакле «Три сестры». Вот там, наверно, около тысячи всяких фотографий у меня. Не знаю, что с ними делать. Мы на юбилее пели: *«Дремлют плакучие ивы, низко склонясь над ручьем...»*

Н. С.: На юбилее Книппер-Чеховой?

Н. Д.: Да.

Н. С.: Это ей сколько лет исполнилось?

Н. Д.: Да немного. Около семидесяти или семьдесят пять. Она в хорошей форме. Я с ней общался в Крыму в этом самом... С Петей Глебовым. Потому что они где-то какие-то очень дальние родственники с Михалковой.

Н. С.: А продолжали вы жить там же на Маросейке? Вот когда в театр поступили служить?

Н. Д.: Ну, какое-то время. Около года-полтора я жил с Борей Малковым, своим другом.

День Победы

Н. С.: Николай Лукьянович, а вы помните День Победы? Вы в Москве были?

Н. Д.: В День Победы я был на съемках на студии «Мосфильм», где Игорь Андреевич Савченко, который «Тараса Шевченко» снимал, подготовился снимать все-таки фильм «Украина в огне». Нет, «Украину в огне» Довженко снимал. А он снимал фильм по пьесе Корнейчука, типа «Ромео и Джульетта». У нее отец — председатель колхоза, и у них конфликт... Короче говоря, как бы советские Ромео и Джульетта, там страсть такая. А я был в это время с Александром Петровичем в группе...

Н. С.: А Довженко вернули на студию? Еще при Сталине? Его простили?

Н. Д.: Не то что вернули, а он по каким-то вопросам, не по деловым вопросам.

Н. С.: А чем он в это время занимался, вы не знаете? Когда его отовсюду отстранили?

Н. Д.: В себя ушел. Разговор: «Мыкола, тикай с этого кинематографа!» — «Куда?» — «В театр».

Н. С.: Пока он не снимал в эти годы, пока вы в театре были, как-то вы с ним общались?

Н. Д.: Из-за того, что я был все-таки очень занят, а он все-таки немножко был...

Н. С.: Другого статуса.

Н. Д.: Другого уровня: не приятель, не друг, а великий Довженко... «Щорс» и это все вообще... Это фантастическая личность. С ним так запросто я рискнул только, когда меня выгнали из гостиницы «Москва», грубо очень, кстати... Сказали, что он в тяжелом состоянии. Я пошел проверить. Ну, он и сказал: «Тикай с этого...»

Н. С.: Не выбирая выражений. А потом как вы с ним в следующий раз встретились?

Н. Д.: Ну, как-то так, чтобы на «ты» и за ручку, такого у меня... Ну, что я могу ему? Я не мог ему ни помочь, ни быть на равных с ним. Все-таки он для меня...

Н. С.: Величина, понятно.

Н. Д.: Великий. А так запросто: «Александр Петрович! Можно я к вам — чайку попьем? Я вам принесу бутылку водки».

” Потому что Малков Боря получал полбутылки водки, и я получал. У нас был литр водки. Мы продавали эту водку и покупали сладости или чего-нибудь другого.

Н. С.: А не пили? Даже во время войны не пили, на фронте не пили?

Н. Д.: Нет.

Н. С.: Редкий случай.

Н. Д.: Какой редкий...

Н. С.: А что, на фронте много не пили?

Н. Д.: Потом, последний уже период... Я в 43-м году уже с помощью Баграмяна, с помощью, кто нами... Был протест: мы не курим, не пьем, а за что же вы нас наказываете? И тогда был приказ — плитка шоколада. Эту плитку шоколада было большое удовольствие скормить Орсику или Кавалеру. Лошадь (*изображает, как лошадь ест шоколад*)...

Н. С.: А вы все-таки эти два года в кавалерии служили? С лошастью. Пока вас не ранили.

Н. Д.: Служил я, ну, 42-й — 43-й год.

Н. С.: Николай Лукьянович, вы начали рассказывать про День Победы.

Н. Д.: Но вы меня перебили.

Н. С.: Вы просто упомянули Довженко...

Н. Д.: Да нет, Савченко Игоря Андреевича я упомянул. На студии я был. Он говорит: «Николай, поехали!» Я говорю: «Куда?» — «Ты где живешь?» Я говорю, что вот... «Я еду на Красную площадь. Маросейка недалеко. Поехали!» Подъехали мы к Манежной площади. Уже Манежная площадь была полна народу. Бросили машину и пошли.

Н. С.: А он на машине был.

Н. Д.: У него иностранная шикарная машина. Он за рулем. Он гениальный. Он в Киеве был очень уважаем, и он снимал вот...

О судьбе

Конечно, если бы мне удалось в то время... Не война, не эта трагедия страны... Если бы я сыграл, представляете? Я бы сыграл в «Тарасе Бульбе» Андрия, а у Савченко я сыграл Грицко — это украинский Ромео, любовь между двумя... Председатель колхоза... Идет борьба такая же, как в Вероне, в Италии это шло.

Н. С.: Монтеки и Капулетти.

Н. Д.: То, наверное, я бы сейчас не сидел, с вами не разговаривал бы, а совершенно по-другому сложилась бы моя жизнь. Но я считаю, что Господь ко мне очень милостив. Очень. Потому что несколько раз я уже там был, на небесах уже совсем. Конечно, сейчас это модно... Да, я верю в бога, я верю в высшие силы, не демонстрируя... «Николай Угодник, помоги мне! Господи, помоги!» И помогал, помогал.

Меня везут в Тарановку. Раненый уже. В корпусной госпиталь в Тарановку везут. А мне Коваленко, мой коновод, адъютант и прочее, говорит: «Товарищ старший лейтенант! Поехали в Уразово или куда-то, на саночках... Мы довезем в госпиталь, но туда не надо ехать. Ты видел, сколько туда везут больных? Поехали в другое место!» Он мне по существу... Ну и поехали. Только мы поехали — начался обстрел. Наши войска обстреливали немцы. И он маханул сразу в другое... От колонны оторвался, и поехали к лесу. Только мы оторвались — и мина прямо под зад нашим саночкам. И вот Ивановский и Ефим Ильич Аронов пишут, что они видели, как мина попала в санки и Дупак Мыкола погиб. Двадцать лет они меня считали... А он сразу свернул в лес, а я какой-то силой, не знаю, богатырской вцепился... Саночки вы представляете? Это возница, а сзади барин сидит, ну я схватился. Мина разорвалась, но меня мой полушубок... Венгерка была в осколках, но я остался живой, потому что рванул он в лес и вот таким образом спас и себя, и меня. Потом доехали мы до Скуратова. Потом уже влились в Валушки. С Валуек отправили в Москву. Из Москвы отправили в Чапаевск. С Чапаевска отправили в Актюбинск. Из Актюбинска я прилетел снова в Москву.

Н. С.: Ясно. Николай Лукьянович...

Н. Д.: Нетипичная история.

Н. С.: Это совсем не типичная история.